
ВОСПОМИНАНИЯ

От редакции

В сентябре 2020 года отметил 80-летний юбилей доктор исторических наук Евгений Борисович Рашковский, известный востоковед, религиовед, переводчик. Его труды по истории науки и образования, русской философской мысли внесли весомый вклад в развитие отечественной интеллектуальной культуры.

Евгений Борисович долгие годы плодотворно сотрудничает с нашим журналом. Его статьи неизменно вызывают интерес и отклики читателей.

Дорогой Евгений Борисович! Мы поздравляем Вас, желаем здоровья и ждем Ваших интересных размышлений и переводов.

*Редколлегия,
Международный редсовет
редакция журнала «Вопросы философии»*

Философические листки: из дневников последних лет

© 2021 г.   Е.Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23.*

E-mail: rashkov@rambler.ru

Поступила 24.10.2020

Публикация представляет собой извлечения из философских дневников историка, философа и поэта Евгения Рашковского (записи 2017–2020 гг.). Дневниковые записи мыслятся как особый жанр философствования, основные их темы связаны по преимуществу с тремя направлениями философского знания: философской антропологией, философией поэзии, философией истории. Идея спонтанного человеческого творчества (Поэзиса) и сопряженная с ней идея свободы составляет один из центральных философских интересов автора. Именно Поэзис – в широком понимании слова – составляет, по мысли автора, то силовое поле, где чувства, мысли и праксис человека связываются и обретают себя в потоках истории. Изучение же феномена поэзии с ее особыми, нелинейными связями семантических ассоциаций, образов и ритмов человеческой речи мыслится как один из важных герменевтических ключей к философскому осмыслению истории. Философия Вл. Соловьева, а также поэтическое наследие Пушкина и Пастернака – предметы особого интереса автора дневника. Философский дневник, не требующий ни научного аппарата, ни развернутой аргументации, – жанр особый. Жанр собеседования с самим собой. Или, как я пытался показать в одной из своих книг, – жанр «воздвижения собеседника» в самом себе. Правда, бывает и так, что реальный, невымышленный собеседник может иногда продолжиться в случайном (или не случайном) читателе дневника. Собеседование с самим собой продолжается в читателе...

Ключевые слова: человек, философия, поэзия, Поэзис, история, социальность, свобода, Другой.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-207-219

Цитирование: *Рашковский Е.Б.* Философические листки: из дневников последних лет // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 207–219.

Philosophical Fragments: from Diaries of Recent Years

© 2021 Eugene B. Rashkovsky

*E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 23 Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

E-mail: rashkov@rambler.ru

Received 24.10.2020

The paper presents few extracts from the philosophical diaries of Russian historian, philosopher and poet Eugene Rashkovsky during 2017–2020. The pivotal problems of his diary are connected with three branches of philosophical knowledge: Philosophy of human person, Philosophy of poetry, Philosophy of history. An idea of human spontaneous creative activity (ποιησις) as well as interconnected with it idea of freedom – these both ideas seem to be central theoretical interest of the diaries' author. Human ποιησις (in the broad approach to this notion) seems to be important field where our feelings, intuitions, reason and praxis interconnected and finding themselves in the main streams and trends of history. "A Study of Poetry" with poetry's special, non-linear connections of semantic chains, images and rhythms is presented by author as one of hermeneutic keys to philosophical understanding of history. Philosophy of Vladimir Solovyev as well as Pushkin's and Pasternak's poetical heritage are the subjects of author's special interest. A philosophical diary that does not require a scientific apparatus or detailed argumentation is a unique genre. Self-interview genre. Or, as I tried to show in one of my books, the genre of "raising the interlocutor" in oneself. Sure, it also happens that a natural, non-fictional interlocutor can sometimes continue in a casual (or not casual) diary reader. The interview with oneself continues in the reader...

Keywords: human person, philosophy, poetry, ποιησις, history, social relations, an Other man, Solovyev, Pushkin, Pasternak.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-207-219

Citation: Rashkovsky, Eugene B. (2021) "Philosophical Fragments: from Diaries of Recent Years", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2021), pp. 207–219.

...Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие...

Евгений Боратынский

Предисловие «шестидесятника»

Разменяв девятый десяток моей жизни. Последние рубежи. Посему беру на себя смелость приоткрыть читателю «Вопросов философии» (с этим журналом сотрудничаю с конца 1960-х гг.) фрагменты своего философского дневника. Я принадлежу к ставшему почти что анахроничным поколению «шестидесятников». Впрочем, «шестидесятником» я был не вполне нормальным: не искателем «творческого марксизма», как это было со многими из моих сверстников, но, скорее, искателем религиозного персонализма, каковым и остаюсь поныне, перейдя в третью декаду XXI столетия. Немалую роль в моем философском самоопределении конца 60-х и последующих лет сыграл о. Александр Мень с его особым взглядом на многотрудную, но все же внутренне свободную роль человеческого опыта и человеческой экзистенции во всей сложности тео-космо-исторического процесса.

Проблематика дневников от времен «шестидесятнической» юности, – разбросанная по отдельным листкам, блокнотам, записным книжкам, – в основном распадается на три взаимосвязанных направления. Это: философия человека, философия поэзии, философия истории. Выбор этих трех направлений философствования, казалось бы, спонтанный. Но едва ли случайный. Ибо в основе – один из центральных парадоксов не только что философии, но и всей громады социо-гуманитарных знаний.

Взаимосвязь этих трех направлений философствования издавна высвечивалась для меня одной сквозной темой. Нередко ситуативная непредсказуемость человеческих мыслей и поступков, художественных свершений и ключевых исторических событий такова, что весь комплекс этих явлений позволяет задним числом выстраивать целые системы их закономерных предпосылок и детерминаций. Однако за кажущейся пестротой, разнородностью и разноразмерностью всех этих дальних и ближних предпосылок угадывается вмешательство того фактора, который определяется в трудах позднего Тойнби как «джокер свободы». Именно этим «джокером», вживленным в историю через специфику человеческой психеи и человеческого сознания, и определяются многоцветье, коррелятивные связи и смысловое богатство нашей жизни. Не говоря уже и о богатстве интерпретаций, которое также включается в общий жизненный поток...

Одно из стержневых понятий моего философствования – восходящее к Платону понятие «Поэзис». Понятие, воссоединяющее в себе представления о вдохновении с представлениями о нелегком труде. В какой-то мере это сближает меня со сторонниками столь влиятельного в нашей философии прошлого века концептом «деятельности». Но лишь в какой-то мере: для меня чрезвычайно важна именно всегда недосказанная, созерцательная сторона человеческой жизни. С «философией жизни» я также расхожусь: вечно недосказанная и вечно перестраивающая свои горизонты жизнь ищет свои смыслы и свой «Поэзис» именно в человеке. И здесь – нравится кому или не нравится – никуда не уйти от наследия немецкой классической философии (от Гердера и Канта до Маркса) и от нашего Соловьева, с его парадоксальной связкой благоговения и критицизма. С юности я противился характерной для современной мысли и культуры ставке на «управление» человеческой реальностью. Я не столь уж яростный противник «управления». Но ставка на «управление» без понимания, ставка на примат «изменения» над «объяснением» (11 Тезис о Фейербахе) лишь усугубляет тенденции произвола, хаоса и страдания в мысли, культуре и истории.

Фрагменты из всей массы моих записей за годы и годы взяты почти что наугад. Однако родные имена Пушкина, Соловьева, Пастернака встречаются особенно часто...

06.05.2017, Zubovo. Под конец жизни, на второй половине восьмого десятка, я оказался весенне-летним обитателем дачно-строительного кооператива «Гея» на окраине поселка Zubovo под Клином. Обитателем места, где вживе ощущаю – несмотря на плотность нынешних застроек – присутствие теней Радищева, Пушкина, Менделеева, Чайковского, Блока... Понимаю, что у меня иная, библейская генеалогия, более протяженная и грозная. Но и здешняя история – также часть моей внутренней генеалогии и судьбы. И от себя не уйти. Но и это не все. Во мне живет не только раздвоенность между еврейством и россиянством, но и некая рас-троенность между тремя векторами Центральной России: Смоленско-Польским, Клинско-Питерским, Троице-Ярославским. И эти состояния раздвоенности и рас-троенности стали для меня внутренне необходимыми. И может быть, в этой раздвоенности-рас-троенности, в этом постоянном блуждании между несхожими направлениями и стихиями жизни и мысли – и скрывается моя свобода?

07.05.2017, Zubovo. В свое время я перевел великое и ставшее хрестоматийным стихотворение Эдны Миллей (E. St. Vincent Millay):

С двух сторон подожжена свеча,
Ей не пережить мой смертный час;
Другу ли, врагу – разбора нет –
Даруется мой последний свет.

Современному биографу или критикану ничего не сто́ит связать предпосылки этой поэмы о четырех строках с бисексуальной ориентацией поэта. Мне и на ум не пришло бы оспаривать это суждение. Только вот суждения такого рода не представляют для меня почти никакого интереса. Ведь речь у поэта о куда более глубоких предпосылках и смыслах (или даже – если вспомнить труды Голосовкера – смыслообразax). Огнь по-дожженной свечи – одновременный символ жизни и смерти, любви и вражды, символ веры, отчаяния и надежды... Символ нахождения между пустотами нашего личного земного не-существования. Да и взаимная обратимость любви и смерти, Эроса и Тана-тоса есть удостоверение непреложной эсхатологичности нашей жизни...

*

Пресмыкательство людей артистического склада перед властным произволом (нередко – и с частичной утратой таланта) – сюжет особого рассмотрения. Можно вспомнить в этой связи фильм Иштвана Сабо «Мефисто» (1981). Сюжет волнующий, и каждый раз возвращаюсь к нему.

Сказать в этой связи: «слаб человек», по существу, ничего не сказать. А важнее сказать, что в основе жизни артиста – некая бытийственная инверсия. Самое подлинное в жизни артиста – именно его жизнь на сцене, связанная с разыгрыванием чужих текстов и страстей. Может быть, одно из назначений театра, этого, – по жестокому выражению св. Августина, «утонченного безумия», – пробивать нашу душевную скорлупу, нашу отъединенность от мира и от людей через приобщение именно к чужим текстам и страстям. Так вот, жизнью второго порядка, жизнью виртуальной, становится для артиста именно наша повседневная жизнь, затмеваемая жизнью сценической, жизнью на эстраде или на экране. Жизнь же как таковая, неразыгрываемая жизнь, *Leben an sich*, оттесняется куда-то на задний план...

Трагедия артистизма. Мы, разумеется, в праве судить. Однако, прежде чем осудить, поставим себя на место нами судимого...

19.05.2017, *Зубово*. Как и много лет назад, продолжаю размышлять о проблематике революции. Революции иной раз могут быть фатальными не только по своим причинам, но и по своим последствиям. Действительно, возбужденные внутренними революциями общества развивают в себе и энергетику внешней экспансии. И дело не только в распирающей общество харизматической энергетике: дело и в тех институтах и людских контингентах, которые способны лишь на «борьбу» и заинтересованы в статусных и материальных приращениях и приобретениях в ходе этой самой «борьбы». В ренте за былые страдания и заслуги...

*

Все вспоминаю о. Александра Меня. Наша земная духовная связь продолжалась в течении 22 лет. Обманчива была простота его проповедей, устных речений, письменных текстов. За этой пастернаковской «неслыханной простотой» – множество глубочайших смысловых пластов. Впрочем, я немало об этом писал. В том числе и на страницах «Вопросов философии»...

20.05.2017, *Москва*. Наши участок и дача под Клином входят в «некоммерческое товарищество». В начале 90-х здесь был заброшенный, заболоченный, заржавленный совхозный заливной луг на берегу реки Лутосни (той самой, в коей ловил карасей под-росток Саша Блок). Совхоз продал это гиблое место «товариществу». И вот я наблюдаю, как клинские, солнечногорские, зеленоградские и московские горожане – мастеровые, врачи, военные, учителя, полуинтеллигенты, интеллигенты – пытаются облагородить эту гиблую территорию на гнилых водах. И мы – вместе с ними.

И эта расточительная трата людских сил дает некоторые результаты. У нас на участке поют соловьи, потрескивают крыльями майские жуки, ходят непуганые ежи... А люди городские и мы – вместе с ними – словно искупают вину перед «Землей-Владычицей»:

Земля-Владычица! К тебе чело склонил я...

(Владимир Соловьев)

Владычица эта малоплодоносна: суглинок да ржавая вода. Но люди стараются. В частности, удобряя почву, высевая травы, настаивая компосты, сажая деревья и кустарники...

*

Эта мысль посетила меня вчера не без влияния Пастернака. Он где-то писал об особом историзме Шопена. Историзме не внешних аксессуаров прошедших времен (хотя и такое можно отыскать у Шопена), но об историзме ритмов и музыкальных смыслов. Я бы добавил еще к мысли Пастернака об историзме самой Польской земли –

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды, –

и мысль о живом историзме польской речи, ее ударений, звукописи и интонаций, передавшихся музыке.

И то же самое пришло на ум, когда я размышлял о «чистой» лирике Мицкевича или Леопольда Стаффа...

*

То, что скрашивает старость, – чувство благодарности за дары предшествующих лет и десятилетий. Не для того ли дается нам на исходе жизни сила припоминания?.. Силе этой противостоит беспамятство. Даже люди моего возраста и опыта, а уж о более молодых – не говорю, почти напрочь забыли о реальностях советских времен и живут телевизионными фикциями и фейками. Слабость исторической памяти, как и слабость запоминания собственной жизни, по всей видимости, связана и со слабостью культуры интроспекции и самоанализа...

*

И еще – размышляю как историк. Непременное свойство абсолютистских режимов позапрошлого и прошлого столетий – их когнитивная обреченность. В чем суть этого свойства? – В беспардонном стремлении сочетать два, по существу, взаимно исключающих императива: императива рациональной технологии власти (для умных или, точнее, для тех, кто мнит себя умными) и инфантильного императива власти патерналистской (для тех, кого держат за глупцов, или просто для глупцов *par excellence*).

Однако легкость такого манипулирования людьми на ранних этапах неоабсолютистской власти (при диком или доведенном до дикости народонаселении) значительно осложняется по мере роста усталости и – одновременно – созревания общества. Люди задумываются. И как бы ни буксовала экономика, как бы ни «доставала» нищета – именно когнитивный фактор, как мне кажется, оказывается в этих обстоятельствах в числе важнейших. В понимании такого рода событий одной социальной психологией не обойдешься...

21.05.2017. Только что понял одну из разгадок «философии жизни» Бергсона, в корне отличной от немецкой *Lebensphilosophie*. Идея полноты, вечной недосказанности и вечной открытости жизни у Бергсона – протест против профессиональной предвзятости: будь то правоведов, артистов, политиков, технологов, клерикалов или ученых, будь то самих философов. И призвание «открытой души (*l'âme ouverte*)», – проламывая коросту предвзятости и схематизма, опознавать и осознавать эту недосказанность и открытость. Осознавать грозные раздвигающиеся горизонты нашей свободы – вопреки всему комплексу предвзятостей и стеснений.

Если вспомнить слова Псалмопевца – «в тесноте Ты давал мне простор» (4:2).

...Парадокс осознанности и всегдашней недосказанности свободы...

17.06.2017, *Зубово*. Похваляться долготерпением и выносливостью народа уже поздно. Если вспомнить Твардовского, – «не та эпоха». Тайна «особого пути» – эксплуатация «человеческого материала» и его беспардонное расходование – раскрыта. Даже при вопиющем непонимании большинства...

*

Вспоминаю отрочество и юность, сопоставляя их с философским опытом старости.

Бенедетто Кроче – косвенно, через итальянский неореализм – научил меня воспринимать скрытую повседневную красоту нашей скромной и бедной жизни. Человеческая жизнь как таковая (если она не задыхается под властью цинического насилия) насыщена поэзией. Поэзия же, по словам Кроче, есть «квинтэссенция человечности». Побывав пару лет назад в Неаполе, я понял, как много дал в этом смысле дону Бенедетто его родной город с поэтичностью его бедной, но какой-то празднично одухотворенной жизни. И не потому ли так смешон был дону Бенедетто напыщенный и вычурный д'Аннунцио?..

*

У А.Б. Гольденвейзера есть запись одного из высказываний Толстого о Шопене (21.01.1896): тем ценен Шопен, что в отличие даже и от Моцарта он никогда не бывает «изыскан». Мне кажется – если верить записи Гольденвейзера – Лев Николаевич не совсем правильно, или совсем неправильно, подобрал слово. Речь не об изысканности, но о вычурности. Только вот где у Моцарта вычурность? – Убейте, не найду...

*

22 часа 20 минут. Когда приближается летняя ночь, как-то по-другому оживает природа. Она уже не приветлива, но как-то таинственна и загадочна. И сейчас, на пике летнего света, вспоминается музыка Мендельсона к шекспировскому «Сну...».

18.06.2017, *Зубово*. Заимствованное нами французское слово «натюрморт» («мертвая природа»!?) едва ли отражает суть этого столь важного для культурной истории – от великих голландцев до Матисса и Фалька – жанра. Куда более удачны слова в германских языках – *Stilleben, stilllife*. Жизнь приутихшая, собранная, сосредоточенная в самой себе, задумавшаяся о себе. И – сопричастующая нам самим...

24.06.2017, *Зубово*. Чем, какими универсалиями скрепляется повседневная история? Ее сердцевина – людское терпение, подчас даже тупое, ее взаимодействующие полюсы – отчаяние и надежда. Отчаяние зачастую разрушительно, надежда – иллюзорна. Однако сама эта связка: терпение – отчаяние – надежда, – сообщает эмпирической истории некое объективное, а подчас и значимое единство и непрерывность. И само сложное, непрерывное, подчас неуловимое взаимодействие этих универсалий создает людям некое поле смыслов и свободы. Эти смыслы и эта свобода никогда не бесспорны, но они – *суть*: they are, oni są...

*

Почему-то в последнее время вспоминаю тех несчастных женщин, которых не любили ни родители, ни супруги. Которых беспощадно бросали мужья. А ведь человек создан для любви: не только самому любить, но и быть любимым... Некоторые из этих женщин подыскивали себе какие-то абстрактные суррогаты любви: государство, партия, профессия... И все это – как бы заместители самого важного – другого человека, через которого с тобою говорит Бог...

25.06.2017, *Зубово*. Говорят, покойники снятся к дождю. Наверное, в этом какая-то особенность нашего психофизического склада. Сегодня с ночи и все утро – дождь.

Но, может быть, через наши сны и люди, отошедшие в Вечность, продолжают заботиться о нас. Но даже и тогда – это бывает, – когда во сне упрекают нас. И если хотят, чтобы мы их простили, это тоже забота. Не только о себе, но и о нас...

07.07.2017, *Зубово*. Упорядоченное, предсказуемое, законосообразное – все это хранит и гарантирует статику жизни: ее осмысленность, порядок, покой – вплоть до загнивания и распада (ведь и они – тоже законообразны...). Динамика же жизни реализуется во внезапном, непредсказуемом, прорывном. В конечном счете, и в творческом.

Жизнь хранится, развивается и оберегается взаимодействием ее статических и динамических начал. Гегелевской диалектикой тут не отделаешься: слишком тяжел груз не только естественнонаучного и исторического материала, но и философских наработок послегегелевских времен. Тяжесть «большой истории» трудно принять людям как радикалистского, так и консервативного склада... Собственно, и радость, и страдания человека строятся на пересечениях и конфликтах статических и динамических стихий «большой истории». Если вспомнить Блока, –

Сердцу закон непреложный –
Радость-Страданье...

26.02.2018, *Москва, Пироговка, Кардиология Сеченовского университета*. Готовясь к завтрашней операции по вживлению кардиостимулятора, наряду со всем прочим, работаю потихоньку над рецензией на исследования П.Д. Баренбойма о Моисее как о мыслителе права и – рикошетом – о беломраморном облике Моисея, изваянном Микеланджело (храм San Pietro in Vincoli, что на улице Кавура в Риме). Вспоминаю, как четыре с лишним года назад долго-долго рассматривал эту скульптуру, причем – в разных ракурсах.

Баренбойм много пишет о разнообразии восприятия этого моисеева лика мыслителями и художниками разных времен. Мне ближе и понятнее всех – Вазари. Но у меня свой особый взгляд. В каком ракурсе ни посмотри – увидишь разные черты характера Пророка: и кротость, и властность, и самоуглубленность, и гнев, и растерянность, и величие. А еще – горечь... Но все равно – это один и тот же Моисей...

Кстати, об «in Vincoli». У нас на Руси были, а может быть, и есть храмы «Честных вериг св. Апостола Петра»...

*

Нынешний взгляд на философию во многих отношениях оказывается взглядом профессорским, цеховым: философия – уже не philo-Sophía, но некоторая остранинная рефлексия о мышлении. Мамардашвили подходил к проблеме глубже: «философия есть мышление мышления». Но «мышление мышления» предполагает и того, кто мыслит, знаменуя вовлеченность человека в мыслительный процесс во всей сложности его определений и опыта. Стало быть, философствование так или иначе сопряжено и с природой, и с языком, и с игрой, и с социо-экономической действительностью, с областью правоотношений. Однако вектор мысли, сопряженный со спецификой внутренней жизни и общения между людьми, – все равно в силе. Только бы поучиться у Соловьева и Шпета не путать философию с резонерством...

Что же до философии права, то право как таковое необходимо соотносено со сложностью опыта, в котором оно – худо-бедно, но все же – образует некоторый минимум духовного и нормативного порядка человеческой жизни. Так что смысл права – не в регулятивности как таковой и (тем паче) не в наказаниях, но именно в указании на этот вечно недосказанный и всегда насущный порядок: Dieu et mon droit!

27.02.2018. Хитрость – уже вошедшая в исторические коды различных культур (а нашей, отечественной – тем паче) сила слабых и беззащитных, перешедшая на откуп к сильным и хищным. Но если в отношениях властных хитрость может оказаться несомненным временным преимуществом, то в отношениях духа и культуры она как была, так и остается слабостью. Ибо эти отношения менее всего требуют систем

господства-подчинения, но всегда – риска и самоотдачи. Человек же продувной, вся жизненная задача которого – не жизнь, но выживание, – едва ли способен к подвигу мысли и философствования. Хитрец может легко провести и «подставить» Сократа, но он никогда не проникнется мыслью, что сознание своего незнания – необходимая предпосылка познания...

28.02.2018. Вчера оперировали. Сто минут под местным наркозом. Сначала, на первых этапах операции, мы обменивались всяческими воспоминаниями и шуточками, но вскоре дело приняло довольно серьезный оборот. Сначала молился про себя за своего кардиохирурга и за самогó себя. И уж затем начал размышлять. И – парадоксальным образом – через Третий том «Капитала» (sic!) стал размышлять о своей философии Поэзиса. И вот что припомнил в остаток дня и полубессонную ночь. У позднего Маркса есть мысль о трех уровнях человеческого труда. Это уровни:

- индивидуальный,
- коллективный («совместный»),
- универсальный (Allgemeine). Последний, третий уровень относится к области великих произведений поэзии, искусства, философии, науки. То есть к той самой области деятельности-творчества (Поэзиса), которая более всего занимает меня. Сердцевина проблемы – соотношение личного и всеобщего (кафолического, соборного). И здесь мы поневоле выходим на проблему универсального внутреннего содержания, заданного, по существу, каждому человеку.

Платон когда-то спрашивал: откуда душа знает неизмеримо больше, нежели позволяет ее скудный и почти что мгновенный земной опыт? – И иной раз отвечал так: благодаря реинкарнациям. В это и поныне верят едва ли не миллиарды людей. Мне все же ближе подкрепляемый успехами современных знаний христианский взгляд на неповторимость человеческих судеб. Как же пытаюсь я решать этот вопрос о непропорциональности нашего смехотворно малого земного опыта широте наших познаний? – И в этих попытках решения на помощь приходит опыт изучения истории. Как говорится в британской историографии XVIII–XX столетий: A Study of History.

На протяжении всего нашего жизненного цикла – от зачатия до предсмертия – мы получаем огромными порциями «пакеты» информации, языков, идей, навыков и смыслов. И притом – самыми различными путями. Короче, мы получаем историю, а вместе с нею – и предпосылки Поэзиса. Иными словами – получаем поток истории и сами – с разной степенью действенности и благостыни – вливаемся в этот поток. И вливаем в этот поток и свой опыт, и свое благоговение, и, увы, свои разрушительные инстинкты и анти-смыслы (если вспомнить Фромма, our human destructiveness). История, Поэзис, анти-поэзис – все это сливается в потоках времен и проходит через каждого из нас. Человек частично вмещает в себя противоречия Универсума и в некоторой степени сливается с ними...

*

Возможные упреки в снобизме своего философствования – заведомо отвожу. Ибо есть еще и Поэзис семьи, Поэзис повседневных, обыденных трудов, Поэзис воспитания детей, Поэзис повседневного общения и гражданской жизни. И есть легко наблюдаемые разрушительные силы в этих же областях. Неслучайно поэтика и композиция Книги Притчей Соломоновых строится на сквозной антитезе Жены-Премудрости (Хохма́, София) и воплощенной дури (ивзлет) – Жены-Разрушительницы, толком не ведающей своих путей (Притч 5:6)... И софийность, и «дурь» мы, люди, привносим в потоки истории...

*

Приближается конец нынешнего наукоцентрического мира. Мир понятий об Универсуме вытесняется миром прикладных технологий, создаваемых пролетарскими

массами «научных работников». Но и этот процесс теряет прежний смысл. Ибо общий мир собственно ученых и «научных работников» пожирается разросшейся из его же лона управленческой инфраструктурой с разрастающимися массами управленческого люда. Огосударственно-корпоративная наука дождалась своего невольного социального класса-«могильщика», носителя стихий «нового средневековья», на сей раз бесчувственного, коррумпированного и равнодушного...

01.03.2018. «Среднему», «эвклидовскому» уму гений (будь то Пушкин, Толстой, Соловьев или Пастернак) представляется «многоликим». А между тем ЛИК его един. Един в антиномической широте всего диапазона его мысли и души. Гений – живая и обращенная к каждому из нас «критика житейского разума»...

*

27.06.2018. Вчера закончил перевод «Ифигении в Тавриде» Леси Украинки. Работа, кажется, вышла удачной. И только сегодня сообразил, сколь многим обязан в этой своей работе «Трагической увертюре» Брамса... На вопрос Франсуази Саган – «Aimez vous Brahms?» – у меня до нынешнего дня не было ответа...

02.07.2018, *Зубово*. Онегин и Ленский – две с трудом уживающиеся друг с другом эманации самогó Пушкина: насмешливый и тоскующий ироник и – увлеченный романтик. Этот конфликт вечного ироника с «лирическим волнением» в самóм себе пушкинское поэтическое воображение разрешило убийством Ленского. Так был предугадан Поэтом и собственный исход...

03.07.2018, *Зубово*. Продолжая вчерашнюю мысль, возвращаюсь к «Онегину». Если есть подлинный герой «свободного романа», то есть сложно оформленного лиро-иронического повествования, – так это сама Поэзия. Два мужеских героя – это две обедненные проекции самого Поэта: Ленский – как бы Пушкин, но без иронического острашения, Онегин – барское ироническое самоострашение, но не прогретое ни поэзией, ни трудом. И потому – силою внутренней динамики и мысли, и самóй Поэзии – Онегин, в общем-то «добрый малый», выступает не только как убийца Ленского, но и как многолетний мучитель («коварный искуситель», «надменный бес») Татьяны. А сама Татьяна – как ни странно – тоже одна из эманаций самого Пушкина. Она – романное олицетворение женственности и ранимости Поэзии. Русская Муза «с печальной думою в очах, с французской книжкою в руках». Муза, принимающая на себя противоречия и боль мира...

*

Несколько дней назад, 27 июня сего года, показывали по «Euronews» интервью пианиста и дирижера Даниэля Баренбойма. Он говорил о том, что никакой другой регион Земли не знает столь прочной, плотной и непрерывной культурной памяти, как Европа. Так что Европа в общечеловеческом контексте – это не власть, не деньги, не машины, но прежде всего – культура. В том числе, и музыка...

*

То, что я наблюдаю сегодня вокруг, – некий крестовый поход казенного «гламура» против мысли и культуры. И, следовательно, против народа, который сам толком не понимает обстоятельств своей беды...

04.07.2018, *Зубово*. С годами, с возрастанием во мне теоретических интересов и теоретических дискурсов, слабнет прежняя острота лингвистического чутья. Печально. Но что интересно: сама русская речь становится во мне как бы философским метаязыком...

05.07.2018, *Зубово*. История любого человеческого массива и контекстуальна, и неповторима. Ибо несет в себе черты и своего глобально-исторического контекста (если вспомнить труды Фернана Броделя), и своей неповторимой внутренней специфики. Так складывается весь головокружительный «моноплюрализм» (Бердяев), все «многоединство» (Карсавин) истории...

*

Невозможно строить подлинную, продуктивную культуру на заведомом принижении Другого, непохожего. Отход от архаического самоцентризма наметили еще Вико и Гердер...

*

Жизнь перерастает нас. Это счастье, что время от времени к нам на дачу приезжают наши дети. И еще счастье – смотреть, как год от года растет на нашем участке сосна. И смотреть, с каким наслаждением обе ее верхушки купаются в небе...

10.07.2018, Москва. Выставка скульптур Паоло Трубецкого в Инженерном корпусе Третьяковской галереи.

Словно побывал в самом себе – в своей подспудной и живой российской прапамяти (Лев Николаевич, Левитан, сыновья-отроки кн. С.Н. Трубецкого: Николай, будущий лингвист, и Владимир), но также – и в культурной прапамяти итальянской (Пуччини, герцогиня Карла Висконти – мать кинорежиссера Лукино Висконти, Карузо), и в культурной прапамяти французской (Роден)... Поразительной нежности и тонкости женские образы. И – очеловеченные образы зверей... А уж если говорить о скульптурном портрете Александра III (в кресле), то портрет – свидетельство какой-то обреченной мертвящей витальности, которую угадал и Валентин Серов. Как и у Серова, у Паоло было какое-то медиумическое ощущение своей модели...

25.07.2018, Zubovo. Вот уж полвека, со времени нападения стран Варшавского пакта на Чехословакию, как я отошел от социалистических иллюзий. И все же проблематика многих прежних социально-демократических движений остается в силе. Включая и сложнейшую проблему соотношения гражданских свобод и социального милосердия, так или иначе связанного с материальным перераспределением, который – в идеале – не должен быть узурпированным управленческим классом.

Вся история, социология, политология – это квадратуры круга, разгадки числа Пи...

16.08.2018, Zubovo. Меня всегда поражала внутренняя одухотворенность польской поэзии и – шире – высоких проявлений польской культуры. Но лишь недавно стал понимать крутость ее исторического замеса: стихии славянства, католичества, европеизма, еврейства. И даже – русскости...

17.08.2018, Zubovo. Библия – это Послание Бога к нам, людям, через толщи времен: через превратности мышления, языка, исторической психологии, литературных конвенций. Непрерывное чтение и перечитывание этого Послания составляет одну из главнейших характеристик мировой культуры. Более того, мы постоянно обречены видеть библейские тексты в неизбежной «обратной перспективе» последующих культур. И это обстоятельство сообщает нам не только широкую и опасную свободу толкования, но и некоторое дополнительное жизненное богатство, некую укорененность в истории: библейский нарратив, пробиваясь сквозь толщи времен, прирастает новыми смыслами, и таким образом расширяется само световое поле Библейского Луча...

*

Никаким философским системосозиданием не занимаясь, я все же разработал некоторый свой подход ко взаимодействующим мирам жизни и мысли. Всего лишь подход, условно определяемый как принцип соотнесения. Подчас даже и соотнесения внезапного. Более всего он коренится в библейской традиции. Но отчасти он воспитан и опытом дальневосточной живописи и философствования. А уж о мощи соловьевских влияний – не говорю. И речь не просто о философском дискурсе, но и о важности исторических занятий с источниками в руках, а также и о важности Поэзиса, поэтического делания как поиска внезапных созвучий в, казалось бы, несхожих потоках человеческого опыта...

Заметки апокалиптические

Августа 24, года 2018 в Москве, на скамейке Воронцовского парка записанные.

Который раз перечитываю «Конармию» Бабеля и надивиться не могу невольно восчувствованной писателем эсхатологической катастрофы: варвары, сквернящие храмы и людские жилища; гибель отстоявшихся, как старое вино, культурных миров – еврейства, польской *polskości*, казацких станиц, заражаемых «дурной болезнью». Тень гибели – если вспомнить книгу Бабеля – ложится даже на московские Патриаршие пруды.

На тех же Патриарших начинается и булгаковский «Мастер...». И здесь – дыханье Апокалипсиса: не только в дурости Берлиоза и Иванушки дело. Дело в будущем адском огне на Садовом и Бульварном кольце, в «Торгсине», в Арбатских переулках и в катастрофически-знаковой грозе, уподобляющей Москву древнему Иерусалиму: «пропал великий город, как будто не существовал на свете»...

...Вспоминаю в этой связи и о Пастернаке. Пастернаковский Доктор – воистину «русский Фауст» (так писал Поэт Сергею Боброву о будущем романе). Только вот «русский Фауст» – уже с неимоверной болью и опытом любви, преступивший грань Апокалипсиса Первой мировой и Гражданской войн, пандемий, разрухи и голода. Фауст, исподволь начинающий новую, воскрешенную жизнь в своих посмертно обнаруженных стихах и в условиях дохнувшего чаяния свободы.

Гектор Берлиоз (Берлиоз подлинный!) «осуждает» Фауста; Пастернак же – вслед за Гете – спасает его... Что, впрочем, и было предсказано «Прологом на Небесах»...

28.08.2018 (*Успение*). Из размышлений о наследии Давида Самойлова.

Ни история, ни политика не размываются в поэзию. Однако поэзия, с ее богатством нетривиальных, нелинейных ассоциаций, думается мне, оказывается важным герменевтическим ключом исторических, политических и – вообще – общегуманитарных познаний. Это понимали и Платон, и Аристотель, и Вико, и Соловьев, и Кроче, и Бергсон... Ответствуя за богатство наших нейронных связей (см. апологию поэзии в трудах нейрофизиолога сэра Джона Экклза), мир поэтических ассоциаций тем самым отвечает и за богатство наших ассоциаций по части синхронных и диахронных связей в человеческой реальности. И этому обстоятельству лишний раз учит постижение стихов, поэм и жизненных заметок Самойлова.

Его муза впитала в себя не только огромную внутреннюю культуру (старая Москва, московская интеллигентская семья, ИФЛИ), но и фронтовой опыт Великой Отечественной, опыт агонии сталинской диктатуры, опыт постсталинской жизни, одновременно освобождающей, но обманчивой и ядовитой... И – last, but not least – опыт постоянного внутреннего собеседования с отошедшими русскими поэтами: Державиным, Пушкиным, Блоком, Пастернаком, Ахматовой. Воистину, опыт Самойлова дышит историей, интуитивным пониманием истории, правом на осторожный прогноз (то есть некоторое осторожнейшее, но философски и исторически насыщенное пред-знание). Вообще, за трезвостью нашего мышления о нынешних судьбах угадывается двойственный образ историзма. С одной стороны – понимание истории как преемственности, но с другой – как вечной нетривиальности, как постоянно творимого нового...

26.09.2018. Будь я мифотворец или сказочник, сочинил бы такое: отец Свободы – Время, мать – Мечта, мачеха – Страдание...

*

Вся страна за искусственный интеллект горой стоит: идеологи (они же «смысловики» – sic!!!), политики, ученые, силовики, сыщики, военные, технократы... Кто бы только об интеллекте естественном порадел...

22.11.2018. Уваровская «триада», в каковую мы вольно или невольно въехали сегодня, оказалась инверсией и альтернативой до сих пор не исчерпавшей свою общечеловеческую ценность «триаде» Французской революции, от коей сама она отступилась в якобинском терроре и бонапартизме. Действительно,

- «самодержавие» – альтернатива гражданской свободе,
- «православие» (в характерном для нас понимании – идея привилегированной и притом жестко иерархической конфессии) – альтернатива правовому равенству,
- «народность» – этноцентрическая альтернатива идее человеческой солидарности.
Ощущение захлопнувшейся исторической ловушки для целой страны...

28.11.2018. Одержимость ненавистью ко всему непохожему в мире – знак метафизической пустоты...

*

Две вещи более всего занимали Канта (как он пишет в послесловии «Критики практического разума»): «звездное небо надо мной и нравственный закон во мне (über mir... in mir)». Правда, здесь же он пишет про «узкие врата науки», которые так или иначе призваны сблизить эти два удивления, эти две интуиции с сознанием моего существования. Не знаю, как уж там по части узких врат, но меня, дожившего до XXI столетия, более всего занимает нечто третье: именно это сближение. Каким таинственным, но все же – отчасти открытым для постижения образом связаны между собой эти две вещи? – В необъятном Универсуме и в исчезающе-малом моем микрокосме. И даже – в какой-то капиллярнейшей мере – и через меня...

Во всяком случае, коллизия обоих кантовых удивлений подсказывает интерес к Большой истории...

11.12.2018. Старость. К девятому десятку подъезжаю (если подъеду). Но красота женщин волнует, как прежде. Только не прежней страстью обладания, но, скорее, – как музыка. Или как мысль. Или как поэтическое слово...

*

Нынче вечером слушал по ТВ Пятую симфонию Чайковского в несколько непривычной для меня, но тонкой и глубокой интерпретации Юрия Темирканова.

Не знаю, много ли думал Петр Ильич, работая над своей Пятой, о Христе, – но вот Христос наверняка много о нем думал...

17.12.2018. Нет ничего проще празднословий о свободе. А между тем свобода – как я ее понимаю – очень нелегкое искусство. Искусство соотносить свое неразменное внутреннее «самостоянье» с Богом, с миром, с другими людьми. Это искусство всегда внутренне конфликтно той конфликтностью, что не разрешима до конца.

*

19.12.2018. Из трудов Татьяны Скороходовой узнал экзегезу Раммохан Роя к 9 шлоке Иша-упанишады: тот, кто думает лишь о людском, забывая о Святыне, загоняет себя во тьму; тот, кто думает лишь о Святыне, забывая о людях, загоняет себя в тем большую тьму...

22.12.2018. Вместо теоретической диады советско-российского «обществоведения» (Власть – Собственность) я предложил в своих работах собственную триаду: Власть – Собственность – Мысль.

И тогда получается совсем особый взгляд на сложности и противоречия истории российской XVIII–XXI столетий. Действительно, военно-крепостническая «культурная революция» Петра Великого, оставив в силе и даже отчасти усугубив на Руси восточную (византийско-ордынскую) систему отношений Власти и Собственности, сумела – по мере сил и людских способностей – внедрить третий член триады, перенесла на российскую почву некоторые базовые элементы тогдашней европейской цивилизации знаний. Неслучайно же Гердер – пусть без преувеличения – писал о несомненной научной доминанте современного ему европейского развития.

Важно понять, что эта болезненная цивилизационная несостыковка – худо-бедно, – но спасла страну от предпетровского коллапса: вспомним гражданскую войну

в Левобережной Украине, церковный раскол, кровавые события Разинщины и ее подавления, Соловецкого сидения, стрелецких бунтов. Воистину, – «бунташный век»...

На мой взгляд, именно эта цивилизационная несостыковка во многом предопределила гибель Российской империи вследствие Первой мировой войны, но она же – с великими жертвами – и спасла страну в ходе Второй мировой (неразрывная связь духовно-исторических тем познания, человеческого достоинства и свободы – едва ли не основная проблема великого романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Этим и выжила придавленная сталинизмом Россия в Отечественной войне); эта же несостыковка полувосточной социальности и сложнейшего опыта современных знаний угрожает и России пост-советской, как, впрочем, и остальному миру, оказавшемуся на опасных стезях бюрократического капитализма и «сырьевых» приоритетов...

06.01.2019, Великий Новгород. В нынешней антилиберальной полемике, в коей смешиваются консервативные и леворадикальные обертоны, есть несомненная доля всяческой ситуативной правоты. Но философски она несостоятельна. Ибо вольно или невольно она смешивает выношенную веками идею осознанной свободы с потворством свободе неосознанной, то есть буйной, точечной, примитивной. Глубинное основание свободы – не своеволие, но прежде всего любовь, ищущая себя в общении. С Богом, с миром, с людьми, с детьми...

11.10.2020, Москва. На первый взгляд история есть бесконечное повествование о человеческих страданиях и смерти. И ничто не может отменить этого самого «первого взгляда». Однако пристальное изучение истории подсказывает и нечто иное: сквозь «первый взгляд» просвечивает неупразднимое чаяние Бога, свободы и бессмертия (так – в метафизических терминах). А если обратиться к категориям Четвертого Евангелия – чаяние Пути, Истины и Жизни...

*

В последние годы имею обыкновение завершать некоторые из своих публикаций стихами собственного сочинения. Однако на сей раз завершаю переводом одного из последних, недатированных стихотворений Уолта Уитмена. Итак –

Walt Whitman In Former Songs

В прежних песнях своих пел я Достоинство и Любовь, пел искрометную Жизнь,
И воедино сплетались, свивались в песне моей – Отчизна и Смерть.
Но ныне – все это я приношу тебе, Свобода,
Ибо смысла им нет без тебя,
Да и сама ускользала ты – и от меня самого, и от песен моих.
Тебе, Свобода...

Сведения об авторе

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Author's Information

RASHKOVSKY Eugene B. – DSc in History, Main Research Fellow of E.M. Primakov National National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.